

Известия - 2001 - 14 апр. - с. 9

Новая вершина Михаила Плетнева

Концертное исполнение оперы Танеева «Орестея»

В половине двенадцатого ночи горстка почитателей Сергея Ивановича Танеева и Михаила Васильевича Плетнева, досидевшая до конца, устроила обоем восторженную овацию. Несмотря на то что исполнение не оказалось всецело удачным, этот вечер в Большом зале консерватории стал одним из самых существенно содержательных концертов, состоявшихся в Москве на рубеже веков.

Петр ПОСПЕЛОВ

Оперу-трилогию Танеева «Орестея» знают даже не все музыковеды. Со времен своей премьеры в 1995 году она практически не исполнялась, существует единственная запись Минской оперы, вышедшая на грампластинках. Теперь после того как Михаил Плетнев исполнил оперу целиком (сделав, правда, некоторые купюры) с Российским национальным оркестром, хором Владимира Минина и приглашенными певцами, можно только предаться удивлению — как мы можем быть невнимательны к собственным культурным сокровищам. А может быть, все и справедливо: нужно было пережить XX век с «Электрой» Рихарда Штрауса, «Эдипом» Стравинского и «Медеей» Пазолини, чтобы вернуться к античности с тех высоких, ясных гуманитарных позиций, с каких видел ее Танеев.

В русской опере «Орестея» Танеева — гипсовая ворона, будто случайно залетевшая на выставку народных драм, лирических картин и национально-эпических полотен. Эту оперу понял бы Глинка, ценивший консерватизм не ниже новаторства, но не понимали современники. В исполнении античной трагедии под Пасху был особый и нисколько не вызывающий смысл: апофеоз прощения, которое дарит мудрая Афина Паллада кающемуся матереубийце Оресту, гордо возвысился рядом с христианским мифом «Страстей» Баха, «Китежа» Римского-Корсакова, «Парсифаля» Вагнера и «Христа» Листа, прозвучавшими как актуальные откровения в нынешние порубежные годы.

Тем, кто шесть лет назад видел в Москве «Орестею» Эсхила в постановке Петра Штайна, легко представить себе размах и масштабы действия, как и его персона-

жей. Различие не только в том, что там исполненное тело трагедии воплотилось в театральной материи, не взяв в союзники музыку, а здесь — именно в музыке, лишенной театрального воплощения, но главным образом в том, что Штайн смело подавал античность в современных формах, в то время как Танеев рвался обогатить современность высоким прошлым. Через сто лет после написания своего труда Танеев нашел в лице Михаила Плетнева конгениального интерпретатора.

К «Орестее» Плетнев подходил долго, до этого исполняя кантаты и оркестровые произведения Танеева. Теперь логика этого пути оказалась ясна: с «Орестеей» Плетнев-дирижер взял свою вторую художественную вершину — после симфоний Чайковского. Это новое крупное свершение Плетнева, и по смыслу оно противоположно предыдущему (так, к примеру, Малер писал очередную крупную симфонию, которая отрицала предшествующую и заново выстраивала мир). С Чайковским Плетнев сумел преодолеть земную человечность путем достижения потустороннего холодного совершенства. С Танеевым он обрел невиданную чело-

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

Дирижирует Михаил Плетнев

веческую теплоту. Болезненно сторонящийся современности, Плетнев нашел опору в позитивном, гражданском, идеальном строе танеевского искусства. В одиночку стерпев боль XX века, Плетнев вернул нас в утраченное время, когда целостность истории, культурного опыта и критерии искусства еще не были подвергнуты разрушению и переосмыслению.

Как можно было бы прекрасно поставить «Орестею», с ее эффектными сценами и энергичными хорами, на театре! Как было бы прекрасно увидеть Плетнева в оркестровой яме, скажем, Мариинского или Большого! Плетнев, лучащийся счастьем, подпеваю-

щий певцам текст, рубящим жестом указующий путь хору, доказал свое право быть оперным дирижером. Под его управлением показали лучшее, на что способны сейчас мининский хор и Российский национальный оркестр — так бывает, когда музыканты чувствуют, что участвуют в чем-то важном и существенном. К сожалению, хорошего певческого ансамбля собрать не удалось. В целом хороша была солистка Мариинского театра Марианна Тарасова, темпераментно спевшая и сыгравшая не только свою Клитемнестру, но и оперу в целом — за всех персонажей. С оговорками можно отметить баса Михаила Гужова (Агамемнон), барито-

на Павла Черных (Аполлон), сопрано Лолиту Семенину (Афина), баса Дмитрия Белосельского в ряде маленьких партий. Но совсем бесцветно пел мариинский баритон Александр Гергалов (Эгист), не хватило опыта и школы Светлане Создательевой (Кассандра), некрасиво солировала Яна Иванилова (Электра), и уж никак не годился для партии Ореста лирический тенор Дмитрия Пьянова. Благое дело организовать чрезвычайно трудно, но теоретически собрать на «Орестею» хороший состав солистов можно, и остается только надеяться, что Михаил Плетнев еще повторит свой удивительный опыт, доведя его до бескомпромиссного качества.